

Монография И.Е. Барыкиной написана в лучших традициях научной школы В.Г. Чернухи, выдающейся исследовательницы эпохи Великих реформ, всегда опиравшейся в своих выводах на тщательный анализ источников и избегавшей изобретения каких-либо надуманных идеологизированных концепций. Барыкинский «опыт биографии министра» столь же строго объективен и далёк от жанра апологии или, наоборот, обличительного памфлета. Он заполнил существенный пробел в отечественной историографии: ещё недавно в ней вовсе отсутствовали книги, обстоятельно освещающие государственную и научную деятельность гр. Д.А. Толстого, о котором упоминается едва ли не во всех учебниках истории, обобщающих трудах и энциклопедиях.

Человек железной воли и прямолинейного упорства, олицетворение «министерства борьбы» и правительственного консерватизма, граф отметал любые соглашения и компромиссы даже с умеренной оппозицией. Не случайно на министерские должности его назначали именно тогда, когда требовалась максимальная жёсткость в борьбе с крамолой: после каракозовского покушения в 1866 г. и в обстановке борьбы с террористами и конституционалистами в 1882 г.

На всех постах он предпочитал монолог диалогу — в этом можно усмотреть как силу, так и слабость его политики. Цензурные ограничения, заставлявшие оппонентов молчать, не гарантировали популярности проводимого им курса. Газеты «Голос», «Русская летопись», «Биржа» в 1870-е гг. не раз приостанавливались или закрывались из-за критики учебного ведомства, а «Санкт-Петербургские ведомости» В.Ф. Корша, рупор земских либералов, в 1875 г. и вовсе перешли в руки другого издателя. Но это лишь раздражало публику, не помогала и напористая поддержка со стороны М.Н. Каткова. Известный либеральный публицист и писатель Л.А. Полонский не без иронии вспоминал осенью 1880 г. про времена, «когда отрицать графа Толстого было гораздо опаснее, чем отрицать Бога»¹⁵.

Но отдаляла ли деятельность Дмитрия Андреевича революционный кризис или приблизила его? Не принадлежал ли он к числу тех, о ком в 1860 г. иронически отзывался эмигрант-конституционалист кн. П.В. Долгоруков, заявлявший: «Мы не любим ни революций, ни революционеров, в особенности тех, которые являются защитниками отжившего порядка вещей и врагами потребностей современных; эти люди, худшие из всех революционеров, потому что своими неразумными действиями и своим пагубным влиянием они делают революции необходимыми и неизбежными»¹⁶?

Любимым делом гр. Толстого стала реформа гимназий, резко увеличившая объём преподавания древних языков и вызвавшая недовольство в широ-

¹⁴ Материал подготовлен при поддержке Российского научного фонда, проект № 23-78-10064 «Западные окраины Российской империи: проблемы этноконфессиональной инкорпорации в XVIII веке», выполняемый в Санкт-Петербургском государственном университете.

¹⁵ Полонский Л.А. Петербург. 1 ноября // Страна. 1880. 2 ноября.

¹⁶ Долгоруков П.В. Программа журнала // Будущность. 1860. № 1. С. 2.

ких слоях общества. Он проводил её, игнорируя любые возражения. Однако в XVIII в. классицизм не предотвратил во Франции катастрофу монархического режима, насаждавшего классическую школу. Как писал в 1792 г. знаменитый революционный журналист К. Демулен, «нас воспитывали в идеях Рима и Афин, воодушевляли республиканской гордостью для того, чтобы жить в уничтожении монархии, под властью Клавдиев и Вителлиев. Безумное правительство думало, что мы могли восторгаться отцами отечества Капитолия и не питать отвращения к версальским людоедам, восхищаться прошлым, не осуждая настоящего»¹⁷. Другой приверженец революции, Л. Мерсье, ещё ранее отмечал: «Нельзя сомневаться в том, что изучение латинского языка родит определённое сочувствие к республикам и желание воскресить величайшую из них, историю которой изучаешь; что, слушая беседы о сенате, о свободе, о величии римского народа, о его победах, о заслуженной смерти Цезаря, о кинжале Катона, не перенёвшего гибели законов, очень трудно расстаться с Римом и превратиться в одного из буржуа улицы Нуайе. И между тем именно здесь, в монархическом государстве, постоянно занимают умы молодых людей столь неподходящими идеями, с которыми им в дальнейшем приходится очень скоро расстаться ради собственной безопасности, карьеры и счастья. Неограниченный монарх платит профессорам за то, что они глубокомысленно переводят и объясняют своим слушателям красноречивые тирады, направленные против власти королей. Это заставляет каждого студента, обладающего долей здравого смысла, когда он попадает потом в Версаль, невольно думать о Тарквинии, о Бруте, о всех гордых врагах самодержавия. Его бедная голова не знает, как ей во всём этом разобраться и, если он не глуп и в его жилах не течёт рабская кровь, ему нужно не мало времени, чтобы примириться со страной, в которой нет ни трибунов, ни децемвиров, ни сенаторов, ни консулов»¹⁸. Одинаковые причины ведут к схожим последствиям. Хотя, впрочем, в толстовских гимназиях полагалось не столько изучать античных авторов и их сочинения, сколько заучивать по учебнику грамматические формы и всевозможные исключения.

К концу 1880-х гг. больной и усталый гр. Толстой всё больше проводил время в своём рязанском имении, передавая ведение дел сотрудникам. «Дворянская эра», связанная с его именем, отличалась большой неоднозначностью и противоречивостью. Модернизация и индустриализация страны, совершаемая под вполне благонамеренными лозунгами и поощряемая властью, стала в 1880-е гг. непреодолимым препятствием для консервативной корректировки реформ. Неизвестно, что думал граф о возможности сочетания «дворянской эры» с «эрой купца и фабриканта», как он собирался решать «рабочий вопрос» и верил ли в способность земских начальников укрощать крестьянскую стихию. Министр оставил эти проблемы своим преемникам, уйдя от жизни незадолго до голода и холерной эпидемии начала 1890-х гг.

¹⁷ Цит. по: Олар А. Политическая история французской революции. М., 1938. С. 15.

¹⁸ Мерсье Л.-С. Картины Парижа. Т. I. М.; Л., 1935. С. 199—200.